

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ВКЛАД В ГАРШИНОВЕДЕНИЕ

Vsevolod Garshin at the turn of the century. Peter Henry, Vladimir Porudominsky, Mikhail Girshman (eds). Vol. 1-3. Oxford, Northgate 2000.

Питер Генри, автор основательной монографии *A Hamlet of his Time. Vsevolod Garshin. The Man, his Works, and his Milieu* (Oxford 1983, 408 pp.), реализовал совместно со своими русскими сотрудниками ответственное задание – издание трехтомного сборника, посвященного Всеволоду Гаршину. Огромная энергия, характерная для профессора Генри, бывшего заведующего кафедрой славянской филологии в Глазго и издателя видного шотландского журнала *Scottish Slavonic Review* (см. рец.: D. Kšicová, *Scottish Slavonic Review*, 1983–1989. *Slavia* 60, 1991, 221–223), нашла проявление также в настоящем издании. После несостоявшейся конференции в родных местах Гаршина в Донецке, П. Генри совместно со своими сотрудниками проделали нелегкий путь: был обработан и коренным образом дополнен весь объемный накопившийся материал, собранный в трех томах. Первый сосредоточен на биографической канве, поэтике и эпистолярном наследии Гаршина. Второй посвящается взаимосвязям Гаршина с русской и мировой литературами, искусством, наукой, педагогикой и завершается перечнем гаршиноведения. В третий вошли тезисы докладов, сведения об авторах и сотрудниках настоящего издания. А тем, которые к сожалению в течении издательской работы скончались, посвящается отдел некрологов. Довольно большое место занимает в третьем томе библиографический указатель по Гаршину, доведенный до сегодняшнего дня. В работе над ним приняло участие пять авторов (М. В. Бресткина, J. Fyfe, Garth M. Terry, Н. Галкина, А. Szeksnowicz-Mangaziejew). В своеобразном послесловии П. Генри оценивает место Гаршина в критике, литературе и современном литературоведении.

Взаимосвязь между внушительной монографией П. Генри и рецензируемыми сборниками статей очевидна. Они развивают и дополняют многие импульсы его предыдущих работ (см. напр. статью: Peter Henry, *К вопросу об импрессионизме в русской художественной прозе. В. М. Гаршин, А. П. Чехов как представители малопризнанного жанра. Litteraria humanitas*, Brno, MU 1993, 129–150).

Широкоохватывающий подход намечается уже в вводной биографической части, начинающейся с росписи родов и поколений Гаршиных и Акимовых (семья матери) и истории имени Акимовых, через интересное описание участия писателя в освободительной войне в Болгарии (Д. Стаматов), анализ сложных отношений писателя и родителей к П. В. Завадскому – учителю в семье Гаршиных (Ю. М. Здорик), теплое отношение Гаршина к его английскому сослуживцу и другу Й. А. Безанту, тонко понимавшему гаршинское творчество (Р. Ненгу), вплоть до знакомства с потомками писателя (В. П. Замковой). Большой интерес исследователей привлекла поэтика гаршинских произведений. Пятнадцать авторов стремятся уловить наиболее важные черты творчества писателя. Их интересуют такие этические проблемы, как революционное насилие, интересно рассматривающееся на фоне гаршинского намерения написать роман о протопопе Аввакуме (П. В. Бекедин). Гаршин, страдавший духовной болезнью, и столь чутко сумевший понять тайные закоулки человеческой души, привлек исследователей, изучающих психологические проблемы его творчества (А. Кузичева, Э. М. Цвенцицкая, до известной степени С. Н. Кайдаш-Лакшина, анализирующая в сравнительном плане образ «падшей женщины»). Стилистические приемы гаршинской прозы исследуются с точки зрения автора, повествователя и героя (Н. Нагорная), времени (L. Stenborg), метафоры, символа и образа (В. Силантьева, Н. Weber), фиктивного и реального миров (V. Tupanov, Jan Brodal), ритма и композиции (М. М. Гиршман), эстетики слова (Р. Спасова, Н. Б. Максимова, Е. С. Отин), романтизма и импрессионизма (Т. П. Маевская, К. Д. Крамер). Первый том завершают сведения о до сих пор не известных архивных материалах: записной книжке Гаршина за 1886 г. (А. Ханило, Р. Ненгу) и письмах (А. Ханило, П. В. Бекедин, редакция сборника).

Второй том открывается 5-й главой, посвященной Гаршину и его взаимосвязям с русскими писателями: Л. Н. Толстым (В. И. Порудоминский), А. П. Чеховым (М. А. Шейкина,

Е. А. Шалочка), с поэтом С. Надсоном (N. S. Parsons), Л. Андреевым (Л. А. Иезуитова, Ч. Р. Сон), В. Чертковым (W. Gareth Jones), В. А. Гиляровским (В. Катаев) и др. Здесь же обсуждается гаршинская коллекция в Литературном музее в Москве (Г. Л. Медынцева). Интересные статьи, исследующие такие междисциплинарные темы, какими являются критические отзывы художника об изобразительном искусстве и анализ его повести *Художники* (M. Rev), дружба Гаршина с И. Репиным (D. Jackson), или изучение отношения Гаршина к современной науке и ее представителям (Ю. Г. Милоков).

Десять статей, посвященных бинарному изучению Гаршина, можно разделить в три группы. С одной стороны изучается восприятие его рассказов иноязычной средой – обращается внимание также на личное участие автора в русско-турецкой войне (М. Гургулова, Г. Павлов, Л. Стаматов), с другой, изучение возможных импульсов, полученных автором из других литературных текстов (P. Waddington, Horst-Jürgen Gerigk, Kupava Birkett). Специфическое внимание уделяется анализу отдельных переводов Гаршина на английский, французский и болгарский языки (E. Morgan, M. Dewhirst, P. Waddington, Kupava Birkett). Для чешского читателя представляет несомненный интерес подтверждение факта, что чешские переводчики, вдохновляемые в 80-е гг. 19 века огромным подъемом интереса чешской публики к русской литературе, переводили одними из первых в Европе интересующих их писателей. То, что известно о рецепции Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других русских авторов (см. Danuše Kšicová a kolektiv, *Východoslovanské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*. Brno, MU 1997), подтверждается изучением генеалогии чешских переводов В. Гаршина (V. Kostiřica). Первые чешские переводы (1883) его рассказов последовали очень быстро за французскими и первым польским переводом (1882). С 1888 г. Гаршин переведился на английский, привлекая постепенно также внимание английской критики (P. Ненгу). К перечню работ по гаршиноведению, которым занимаются в заключительной восьмой главе M. Artz, Horst-Jürgen Gerigk, А. Ф. Самосюк, Г. А. Бялый и М. И. Бент, можно присоединить введение, написанное для данного издания одним из его редакторов В. Порудоминским. Написав тезисы последующих статей, он изложил в сжатой форме все новое, что данный труд внес в гаршиноведение. В нем приняли участие русские и зарубежные литературоведы из разных стран мира. Их всех объединила любовь к автору, сумевшему передать столь трудно уловимые ощущения человеческой души. Читатель, не равнодушный к графическому оформлению книги, оценит черно-белые и цветные репродукции и интересную обложку. Добросовестная редакторская работа проявилась также в языковом оформлении. Английско-русское изложение дополняется резюме на соответствующих языках. Результатом является труд, стоящий высокой оценки.

Danuše Kšicová

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Алла Михайловна Грачева: *Алексей Ремизов и древнерусская культура: Studiorum Slavicum Monumenta, tomus 19*, Российская Академия Наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). С.-Петербург 2000, 333 с. ISBN 5-86007-224-4.

Когда я примерно двадцать лет назад читал статью Аллы Грачевой о русских хрониках начала 20 века (в которой упоминалось и мое скромное исследование о русском романе-хронике), стало мне ясным, что эта тема, связанная тогда актуально с «деревенской прозой», подспудным течением глубоко ведет в прошлое русской литературы. Поиски – типологические или генетические – скрытых связей древней и более современной, в том числе модернистской и постмодернистской литературы, не новы. Можно привести примеры И. П. Смирнова или чешского специалиста по древнерусской литературе С. Матхаузеровой (*И. П. Смирнов: Художественный смысл и эволюция поэтических систем*. Москва 1977. И. П. Смирнов: